

Политика памяти в Прибалтике и на Украине: общие тенденции

Зверев Кирилл Александрович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета.

E-mail: zwerew.kir@yandex.ru

В статье сравнивается государственная историческая политика в Прибалтике и на Украине. После распада СССР замена советского исторического нарратива национальным наиболее динамично шла в Эстонии, Латвии и Литве. Уже в 1990-е гг. там сформировалась эффективная политика памяти, многие направления которой впоследствии были «экспортированы» в другие республики бывшего СССР, в том числе на Украину. Украинский исторический дискурс стал особенно созвучен с прибалтийским вариантом после цветных революций. Общими чертами политики памяти в Прибалтийских странах и на Украине являются этноцентризм, поиск ранних форм государственности (в обход СССР), введение в оборот понятия «советская оккупация», кардинальная переоценка событий Великой Отечественной войны, создание специализированных институтов национальной памяти.

Цитирование: Зверев К.А. Политика памяти в Прибалтике и на Украине: общие тенденции // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3 (72). С. 183–198.

Ключевые слова

страны Балтии

Украина

политика памяти

историческая политика

Politics of Memory in the Baltic States and Ukraine: Common Tendencies

Zverev Kirill Alexandrovich,

Candidate of Historical Sciences, Docent at the History Department
of the Kostroma State University.

E-mail: zverew.kir@yandex.ru

The article contains a comparative analysis of the public politics of history in the Baltics and Ukraine. After the Soviet Union's collapse, Estonia, Latvia, and Lithuania made considerable efforts to substitute the Soviet historical narrative by the national ones. The effective national politics of memory was shaped there as early as the 1990-ies, which elements later were «exported» to other republics of the former USSR, including Ukraine. The Ukrainian historical discourse took a similar shape with the Baltic variant after the period of colour revolutions. The common theses of history politics both in the Baltic States and in Ukraine are ethnocentrism, the quest for an earlier nationhood (bypassing the USSR), the introduction of the «Soviet occupation» concept, the radical revision of the «Great Patriotic War» concept in favor of the «Second World War», and the creation of specialized Institutes of National Memory.

Citation: Zverev K.A. Politics of Memory in the Baltic States and Ukraine: Common Tendencies // National Strategy Issues. 2022. No. 3 (72). P. 183–198.

Keywords

Baltic countries

Ukraine

politics of memory

history politics

Три Прибалтийские республики – Эстония, Латвия и Литва, – в отличие от других субъектов СССР, в межвоенный период имели опыт собственного государственного строительства и были инкорпорированы в состав Советского Союза лишь в 1940 г. На практике из-за начавшейся Великой Отечественной войны советизация этих территорий растянулась до конца 1940-х гг. Схожие процессы происходили и в западной части Украины, являвшейся до 1918 г. провинцией Австро-Венгрии, а после её распада инкорпорированной в состав вновь образованного польского государства (до 1939 г.). Советизация Западной Украины из-за Великой Отечественной войны также затянулась до конца 1940-х гг. Там, как и в Прибалтике, было сильно анти-советское подполье, оказывавшее до начала 1950-х гг. вооружённое сопротивление советским властям. Эти обстоятельства наложили свой отпечаток на формирование политики памяти в Прибалтике и на Украине после распада СССР.

Во вновь образованных независимых государствах, появившихся в результате дезинтеграции постсоветского пространства, возникла потребность конструирования новой национальной идентичности и замены советского исторического нарратива национальным. С целью создания национальной истории оформилась исходящая от правящих верхов политика памяти (или государственная историческая политика). В данной статье под *политикой памяти* понимается набор практик, применяемых отдельными политическими силами для утверждения определённых интерпретаций исторических событий как доминирующих. Понятие «государственная историческая политика» используется как синоним политики памяти. Исследование сфокусировано на опыте конструирования исторической памяти стран Балтии (Эстонии, Латвии, Литвы) и Украины после распада СССР. В этих государствах взгляды на события прошлого имеют множество схожих черт, коренным образом отличающихся от российской интерпретации исторического процесса.

Формирование политики памяти в странах Прибалтики

В Эстонии, Латвии и Литве внятная государственная историческая линия оформилась значительно раньше, нежели на Украине. В Прибалтийских республиках дискуссии об истории активизировались в период перестройки в СССР и быстро переросли в движение за независимость. Общность социально-культурного и исторического развития региона, а также идентичные цели (стремление к выходу из состава Советского Союза, утверждение на мировой арене в качестве самостоятельных государств) обусловили схожесть основных

параметров и этапов развития местной политики памяти. Так, к характерным чертам прибалтийской государственной исторической линии можно отнести апеллирование к тезису о «советской оккупации», правовому континуитету (историческая правопреемственность современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода), идеализацию национальных государств 1920–1930-х гг. и интерпретацию всего предшествовавшего периода развития как борьбы за свободу и независимость от иностранных угнетателей (последний тезис характерен в большей степени для Эстонии и Латвии, в меньшей – для Литвы, имевшей опыт собственного развития в лице Великого княжества Литовского).

Проявление общей исторической линии эстонского, латвийского и литовского истеблишмента обозначилось ещё в период Поющей революции, а именно – на конференции прибалтийских народных фронтов (Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и движения «Саюдис» Литвы), которая проходила в Таллине 13–14 мая 1989 г.¹ Помимо прочего, на мероприятии обсуждался вопрос об обстоятельствах вхождения Прибалтийских государств в состав СССР в 1940 г. Здесь деятельное участие принял учёный-юрист, советолог из ФРГ Дитрих Лёбер – один из руководителей Института права, политики и общества социалистических государств, а также, наряду с Борисом Мейснером, участник Гёттингенской рабочей группы учёных, занимавшейся изучением истории и культуры немцев Восточной Европы, а также обоснованием непризнания восточной границы Германии по Одеру – Нейсе правительством ФРГ². Д. Лёбер представил на конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа³, доказывая тем самым факт «незаконности» присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу, т.е. обосновывая правильность исторической концепции «оккупации стран Балтии», в разработке которой он принимал участие вместе с Б. Мейснером ещё с 1950-х гг.⁴

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи, 23 августа 1989 г., в ознаменование 50-летия подписания Договора

¹ Балтийская ассамблея, Таллинн, 13–14 мая 1989 г.: Сб. документов / Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.

² См. офиц. сайт Гёттингенской рабочей группы: URL: <http://www.goettinger-arbeitskreis.de/geschichte/> (дата обращения: 15.01.2022).

³ *Graf M.* Impeeriumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo, 2012. L. 104–105.

⁴ *Meissner B., Loeber D.A.* Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge von 1954–1994. Hamburg: Bibliotheca Baltica; Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 S.

о ненападении между Германией и Советским Союзом (и секретных протоколов к нему) народными фронтами Прибалтийских республик была организована знаменитая акция «Балтийский путь», призванная привлечь международное внимание к факту «незаконного инкорпорирования» Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников континуитета и популяризации тезиса о необходимости «восстановления» утраченной государственности республик Балтии. Это доказывают, например, результаты выборов в Верховные Советы Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, где уверенную победу одержали представители народных фронтов, позже выступившие за «восстановление» довоенной государственности⁵.

Кроме того, всё большую роль в политических движениях стран Балтии стали играть националисты и эмигрантские круги⁶, которые и были особенно заинтересованы в «восстановлении» довоенной государственности. Ведь концепция «оккупации стран Балтии» и вытекающая из неё идея непрерывности существования Эстонской, Латвийской и Литовской республик позволяли претендовать на утраченные в результате национализации активы и собственность. Свою роль здесь сыграла и Декларация Уэллеса⁷, принятая официальным Вашингтоном 23 июля 1940 г. и давшая начало политике непризнания вхождения Прибалтийских республик в состав СССР (документ сохранял действие вплоть до выхода Эстонии, Латвии и Литвы из состава Советского Союза в 1991 г.).

Фактически мы можем констатировать, что уже в 1989 г. концепция «оккупации стран Балтии», выработанная Гёттингенской рабочей группой, становится «краеугольным камнем» борьбы прибалтийских народных фронтов за независимость от СССР, а также обоснованием принципов реституции в законодательном и институциональном оформлении республик.

⁵ Вахтер Т. Эстония: жаркое лето 91-го: Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. С. 109; Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. P. 310–311.

⁶ Вербин В. 20 лет Конгрессу Эстонии, или Тёмная сторона Луны // Delfi. 2010. 11 марта. URL: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (дата обращения: 15.07.2021).

⁷ Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles (Заявление исполняющего обязанности государственного секретаря distinguished Самнера Уэллеса). July 23, 1940 // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf>; Ээсма: 80 лет спустя нам всё ещё нужна декларация Уэллеса // Delfi. 2020. 23 июля. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-esche-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения: 23.07.2021).

С провозглашением независимости в августе 1991 г. концепция «оккупации стран Балтии» и континуитет стали преобладающими трендами в Прибалтийских республиках и выразились в интерпретации периода вхождения в СССР как «советской оккупации», в восстановлении правовой базы довоенных республик и популяризации данного тезиса в том числе посредством выпуска тенденциозной научной литературы⁸. Если концепция «оккупации» нашла своё развитие во всех странах Балтии, то принцип исторического континуитета наиболее последовательно реализовывался в Эстонии и Латвии, где он сказался на правовом положении местного русскоязычного населения (официальные Таллин и Рига отказались от автоматического предоставления гражданства тем, кто прибыл в республики в период «советской оккупации» – с 1940 по 1991 г., в подавляющем большинстве русскоязычным)⁹. Литва же, в силу большей моноэтничности, а также значительного изменения границ в советский период (приращение Клайпеды, Вильно), отказалась от исключительного апеллирования к республике межвоенного периода и возвела собственную государственность к Великому княжеству Литовскому¹⁰.

Литва, традиционно имевшая тесные связи с соседней Польшей и другими восточноевропейскими странами, первой в Прибалтике создала координирующее и направляющее учреждение по конструированию политики памяти – своего рода институт национальной памяти под названием Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы¹¹, основанный ещё в 1992 г. В Эстонии подобное ведомство возникло в 1998 г. в виде Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности (IKUERK), также известной как комиссия Макса Якобсона, в 2008 г. она была преобразована в Эстонский институт исторической памяти¹². И лишь в Латвии вплоть до настоящего времени по разным

⁸ *Зверев К.А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестн. Костромского гос. ун-та. 2019. Т. 25. № 1. С. 79–81.

⁹ *Зверев К.А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215; *Он же.* Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестн. Костромского гос. ун-та. 2020. Т. 26. № 4. С. 70–77.

¹⁰ *Зверев К.А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

¹¹ Официальный сайт Центра исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы: URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения: 05.07.2021).

¹² Официальный сайт Эстонского института исторической памяти – Eesti Mälu Instituut: URL: <http://mnemosyne.ee/> (дата обращения: 05.07.2021).

причинам не было создано собственного института национальной памяти, хотя неоднократные призывы к организации данного учреждения на базе Комиссии по научному изучению документов КГБ Латвийской ССР всё чаще звучат на самом высоком уровне¹³. Тем не менее в Риге координирующую и направляющую роль в исполнении национальной политики памяти взяли на себя Музей оккупации и Ассоциация Музея оккупации Латвии.

Таким образом, странам Балтии удалось достаточно быстро сформулировать внятную и преемственную политику памяти, став в данном отношении своеобразными первопроходцами на постсоветском пространстве, а в последующем и «экспортёрами» целого ряда тезисов в другие республики бывшего СССР.

Политика памяти Киева

В начале 1990-х гг. ставшая независимой Украина, как и другие постсоветские государства, ощутила необходимость создания национальной истории взамен переставшего быть актуальным советского варианта и взяла курс на украинизацию прошлого. В частности, была издана научная, учебная литература¹⁴ и разработан учебный курс истории, рассматривающий Киевскую Русь исключительно как украинскую историю, а Запорожскую Сечь – как прототип национальной государственности. Другими словами, произошла «национализация» исторического нарратива¹⁵. Но попытки выработки общей исторической линии в качестве объединяющего фактора для всего украинского народа не увенчались успехом ни в 1990-е, ни в 2000-е гг.¹⁶ Причину этого следует искать в языковой и ментальной разобщённости украинцев (по линии Запад – Восток), для которых наиболее болезненным рубежом стало отношение к советскому периоду истории в целом и к Великой Отечественной войне

¹³ См.: Зверев К.А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 163–177.

¹⁴ Історія України: Матеріали до підручника для 10–11 класів середньої школи / М.В. Коваль, С.В. Кульчицький, Ю.О. Курносов. Київ: Райдуга, 1992. 511 с.; Швидько Г.К. Історія України (XIV–XVIII ст.): Пробний підручник для 8 кл. середньої школи. Київ: Генеза, 1996. 304 с.

¹⁵ Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 217–255; Томаченко О.В. Українські шкільні підручники 1990–2009 рр. з історії: здобутки і проблеми написання // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. XXXIV. С. 134–139.

¹⁶ См.: Гребенник Г.П. Политика памяти в Украине: критические заметки // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 182–199.

в частности. До «оранжевой революции» 2004 г. официальный Киев стремился лавировать между националистически настроенной Западной Украиной и пророссийской восточной частью страны в оценках событий XX в., а языковой, ментальный конфликт в украинском обществе имел латентный характер. Однако если присмотреться к упомянутой выше учебной литературе, «украинизации» исторического дискурса, то мы увидим постепенное усиление позиций националистически настроенной части общества на протяжении всех 1990-х гг. Ведь именно к этому периоду относятся первые попытки героизации Украинской повстанческой армии (УПА) и пособника нацистов – Степана Бандеры (монументы деятелям националистического подполья и самому С. Бандере появились на Западной Украине ещё в 1990-е гг.).

Значительную роль в «поправлении» исторического дискурса Украины сыграли и эмигрантские круги, формировавшиеся во многом после Второй мировой войны из представителей Западной Украины. Так, в 1992 г. президент Украинской Народной Республики (УНР) в изгнании (правительство УНР действовало в эмиграции с 1920 г.) Микола Плавьюк передал первому президенту Украины Леониду Кравчуку атрибуты власти УНР, объявив, что современная Украина является правовым преемником Украинской Народной Республики (1918–1920 гг.)¹⁷. Официальный Киев, приняв данные атрибуты власти, заимствовал и символику (герб, флаг) УНР в качестве государственной. Хотя ещё годом ранее, в Акте провозглашения независимости Украины¹⁸ от 24 августа 1991 г., лишь опосредованно говорилось о возможной преемственности по отношению к более ранним государственным образованиям на территории Украины, без какого-либо упоминания УНР: «продолжая тысячелетнюю традицию государственного строительства»¹⁹, провозглашена независимость Украины. Тем не менее чёткой позиции по отстаиванию континуитета (исторической правопреемственности современного украинского государства по отношению к УНР) по примеру стран Балтии официальный Киев не сформировал ни в правовом, ни в историческом дискурсе. Кроме того, экономические и политические трудности

¹⁷ Майдан 1991 года или как рождалась украинская Независимость // Политические известия в Украине. 2015. 24 августа. URL: <https://izvestia.kiev.ua/item/show/86024> (дата обращения: 17.01.2022).

¹⁸ Акт проголошення незалежності України (Акт провозглашения независимости Украины) // Верховна Рада України. URL: http://gska2.rada.gov.ua/site/postanova/akt_nz.htm (дата обращения: 19.01.2022).

¹⁹ Цит. по: Там же.

строительства независимого украинского государства обусловили относительно низкий общественный интерес к дискуссиям по исторической тематике.

Противоречивость украинской политики памяти и попытки лавирования официального Киева между электоратом запада и востока страны в конце концов привели к «оранжевой революции» 2004 г. и, как следствие, к усилению позиций местных националистов, в том числе в вопросах государственной исторической политики. В период президентства Виктора Ющенко был взят курс на выстраивание нарратива о «преступности советского тоталитарного режима», который стал зиждиться на продвижении концепции голодомора и героизации УПА. А популяризировать данные концепции в общественном сознании должен был специально учреждённый в 2006 г. Украинский институт национальной памяти²⁰ (созданный по примеру польского и литовского аналогов). Помимо прочего, в задачи ведомства входят «организация всестороннего изучения истории украинского государства, этапов борьбы за *восстановление государственности* и распространение соответствующей информации в Украине и мире», а также «*восстановление национальной памяти Украинского народа; недопущение использования символов тоталитарных режимов*» (выделено мной. – Авт.)²¹. Здесь вновь фигурирует посыл о «восстановлении независимости», изначально не характерный для украинского варианта политики памяти, но продвигавшийся эмигрантскими кругами и успешно реализованный в странах Балтии (также с подачи местных эмигрантов-националистов)²². Кроме того, налицо и явное стремление запретить советскую символику и запустить процесс декоммунизации (что и произойдёт после 2014 г.). Само же желание отказаться от советского прошлого вовсе не было характерно для украинского исторического дискурса 1990-х – первой половины 2000-х гг., зато являлось вполне обыденным в Польше, Венгрии, Прибалтике. Другими словами, изложенные

²⁰ Офиц. сайт Украинского института национальной памяти: URL: <https://uinp.gov.ua/dokumenty> (дата обращения: 19.01.2022).

²¹ Цит. по: Положение об Украинском институте национальной памяти // Украинский институт национальной памяти. URL: <https://uinp.gov.ua/pro-institut/pravovi-zasady-diyalnosti> (дата обращения: 19.01.2022).

²² См.: Зверев К.А. Политика памяти в Прибалтийских республиках: внешнеполитический аспект // Вестн. рос. нации. 2020. № 5 (75). С. 44–55; Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / Пер. А. Крашевского. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2005. 400 с.

выше факты говорят о сильнейшем влиянии извне на переформатирование политики памяти официального Киева после «оранжевой революции» 2004 г.

В том же 2006 г. Верховной радой Украины был принят закон о голодоморе²³, который квалифицировал голод 1932–1933 гг. на территории страны как геноцид украинского народа, совершённый «тоталитарным репрессивным сталинским режимом»²⁴. До 2006 г. подобных ангажированных трактовок исторических событий в законотворчестве Верховной рады не просматривалось. Сам же термин «голодомор» также был привнесён в украинский исторический дискурс из эмигрантской среды: трактовка этого понятия как «геноцида украинского народа, предпринятого советскими властями» была обнародована в Канаде в 1950-е гг.²⁵ и с тех пор активно пропагандировалась на Западе.

Активизировалась и деятельность по героизации УПА. В 2007 и 2010 г. звания Героев Украины получили главные деятели националистического подполья – Р. Шухевич и С. Бандера²⁶. Следует отметить, однако, что в 2011 г. Высший административный суд Украины данные решения отменил. Но, получив поддержку на официальном уровне, националистические круги украинского общества нарастили усилия по пропаганде и популяризации своих идей на всей территории страны.

Оформление столь радикально-националистического варианта политики памяти приостановилось в период президентства Виктора Януковича (2010–2014 гг.), но какой-либо серьёзной ревизии прошлого тогда не произошло, тем более что за двадцать лет независимости на Украине выросло новое поколение (и не только на западе страны), воспринявшее радикальный вариант местного исторического дискурса. Украинский политический кризис 2014 г. придал новый импульс радикализации местной политики памяти.

²³ Закон України Про Голодомор 1932–1933 років в Україні // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/376-16#Text> (дата обращения: 19.01.2022).

²⁴ Цит. по: Там же.

²⁵ Lemkin R. Soviet Genocide in Ukraine / Ed. by R. Serbyn. Kyiv: Maisternia Knyhy, 2009. 208 p. URL: <https://holodomormuseum.org.ua/wp-content/uploads/2019/04/978-966-2260-15-1.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

²⁶ Указ президента України № 965/2007 Про присвоєння Р. Шухевичу звання Герой України // Президент України. Офіц. інтернет-представництво. URL: <https://president.gov.ua/documents/9652007-6491>; Указ президента України № 46/2010 Про присвоєння С. Бандері звання Герой України // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/46/2010#Text> (дата обращения: 19.01.2022).

На волне декоммунизации и доминирования антироссийских настроений прошла череда сносов памятников советским деятелям, переименования улиц, площадей и целых городов.

Следует упомянуть религиозный вопрос, обострившийся после 2014 г., а именно раскол в Украинской православной церкви. Здесь события развивались по схожему с эстонским и латвийским вариантом сценарию. В этих Прибалтийских странах в период перестройки и в первые годы независимости были организованы и позднее официально зарегистрированы Эстонская апостольская православная церковь Константинопольского патриархата (ЭАПЦ КП) и Латвийская православная автономная церковь Константинопольского патриархата (ЛПАЦ КП) в противовес существовавшим в обоих государствах православным церквям под юрисдикцией Московского патриархата (церковный раскол в республиках Балтии, инспирированный правящими элитами, разделил верующих по этническому признаку: православные из числа титульных наций поддержали патриарха Константинопольского, а русскоязычные – Московского)²⁷. Раскол в украинской православной пастве также берёт начало в период перестройки, когда в 1989 г. в противовес Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) была создана Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), искавшая поддержки в Константинополе²⁸. Лозунг «Независимой Украине – независимую церковь» предсказуемо нашёл сочувствие в местном истеблишменте, и на протяжении 1990–2000-х гг. позиции УАПЦ с подачи официального Киева заметно упрочились. В 2019 г. УАПЦ под новым названием – Православная церковь Украины – и при активной поддержке президента Петра Порошенко была официально признана патриархом Константинопольским Варфоломеем²⁹.

²⁷ Зверев К.А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журн. 2020. № 4 (28). С. 227–235; Он же. Православная церковь в независимой Эстонии // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 1. С. 36–39; Он же. Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. / Отв. ред. А.А. Корников. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 93–98.

²⁸ Бочков П.В. История и современное состояние неканонической юрисдикции «Украинской Автокефальной Православной Церкви» (с 1989 г.) // Рязанский богословский вестн. 2015. № 2 (12). С. 55–81.

²⁹ Хоменко С., Денисов М. «Томос наш!» Православная церковь Украины получила автокефалию // BBC. 2019. 6 января. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46772560> (дата обращения: 20.01.2022).

Таким образом, можно констатировать, что украинский вариант государственной исторической политики оказался крайне противоречивым и неспособным стать скрепляющим звеном в процессе становления национального самосознания. Политические элиты, не уделяя должного внимания проблемам формирования национальной исторической повестки, апеллировали к прошлому лишь в интересах сиюминутной, конъюнктурной выгоды (с оглядкой на электоральные циклы). При этом каждая новая власть стремилась переписать исторический контекст под себя – на Украине за тридцать лет независимости не сложилось преемственной политики памяти, в отличие от Польши или стран Балтии. На протяжении всех 1990–2000-х гг. шло постепенное смещение исторической повестки в сторону агрессивного национализма и русофобии. Западноукраинский вариант воззрений на прошлое постепенно стал навязываться всему украинскому обществу, новую силу данный процесс обрёл после 2014 г. (но начался ещё во время перестройки и с наступлением 1990-х). Тем не менее с периода президентства Виктора Ющенко украинская историческая повестка стала особенно походить на прибалтийский вариант.

* *
*

Проведённое исследование позволяет выделить следующие схожие черты, характерные как для балтийского, так и для современного украинского исторического и общественного дискурса.

- Этноцентризм или «национализация» истории (в той или иной степени имеет место во всех постсоветских государствах) – закономерный процесс, связанный с заменой советского исторического нарратива национальным.

- Принцип правопреемственности связан со стремлением отмежеваться от советского прошлого и закрепить в общественном сознании самодостаточность и легитимность собственной государственности (в наиболее чистом виде прослеживается в Эстонии и Латвии, на Украине активизировался после «оранжевой революции» 2004 г. и Евромайдана 2014 г.).

- Тезис о «советской оккупации» и декоммунизация: концепция «оккупации стран Балтии», возрождение украинской государственности в лице УНР было пресечено Красной армией, как и попытка её реставрации со стороны УПА в 1944–1945 гг.³⁰ Запрет коммунистической символики.

³⁰ Шаповал Ю. Украинская вторая мировая // Зеркало недели. 2005. № 15. 23 апреля – 6 мая.

• Героизация нацизма: местные коллаборационисты воспринимаются как патриоты и борцы за свободу от советского тоталитаризма (в том числе антисоветское подполье послевоенного периода).

• Отказ от понятия «Великая Отечественная война» в пользу понятия «Вторая мировая война»: непризнание факта освобождения Прибалтики, Украины Красной армией и продвижение идеи «смены немецкой оккупации советской» (ярко выраженный тезис прибалтийской историографии)³¹.

• Религиозный вопрос: раскол Православной церкви, отказ от Московского патриархата в пользу Константинопольского под лозунгом «Независимому государству – независимая церковь»³².

• Институционализация прибалтийской, украинской государственной исторической политики посредством создания институтов национальной памяти, призванных аккумулировать и популяризировать новые взгляды на события прошлого (в особенности на историю XX в.).

Обозначенные элементы политики памяти, которые особенно явно просматриваются в Прибалтике и на современной Украине, могут быть отнесены и к государственной исторической линии Молдовы и Грузии после цветных революций 2000-х гг. Как представляется, здесь можно говорить об определённом заимствовании многих элементов прибалтийского варианта исторической политики, появившихся гораздо раньше, чем в других постсоветских странах, и реализовывавшихся более последовательно с самого начала 1990-х гг.

Список литературы

1. Акт проголошення незалежності України (Акт провозглашения независимости Украины) // Верховна Рада України. URL: http://gska2.rada.gov.ua/site/postanova/akt_nz.htm (дата обращения: 19.01.2022).
2. Балтийская ассамблея, Таллинн, 13–14 мая 1989 г.: Сб. документов / Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.

---

³¹ Зверев К.А. Государственная историческая политика в современной Латвии; *Он же*. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства.

³² Подробнее см.: Зверев К.А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках; *Он же*. Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи.

3. Бочков П.В. История и современное состояние неканонической юрисдикции «Украинской Автокефальной Православной Церкви» (с 1989 г.) // Рязанский богословский вестн. 2015. № 2 (12). С. 55–81.
4. Вахтер Т. Эстония: жаркое лето 91-го: Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. 392 с.
5. Вербин В. 20 лет Конгрессу Эстонии, или Тёмная сторона Луны // Delfi. 2010. 11 марта. URL: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-tem-naya-storona-luny?id=29709683> (дата обращения: 15.07.2021).
6. Гребенник Г.П. Политика памяти в Украине: критические заметки // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 182–199.
7. Закон України Про Голодомор 1932–1933 років в Україні // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/376-16#Text> (дата обращения: 19.01.2022).
8. Зверев К.А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 163–177.
9. Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215.
10. Зверев К.А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестн. Костромского гос. ун-та. 2019. Т. 25. № 1. С. 79–81.
11. Зверев К.А. Политика памяти в Прибалтийских республиках: внешнеполитический аспект // Вестн. рос. нации. 2020. № 5 (75). С. 44–55.
12. Зверев К.А. Православная церковь в независимой Эстонии // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 1. С. 36–39.
13. Зверев К.А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журн. 2020. № 4 (28). С. 227–235.
14. Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестн. Костромского гос. ун-та. 2020. Т. 26. № 4. С. 70–77.
15. Зверев К.А. Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. / Отв. ред. А.А. Корников. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 93–98.
16. Зверев К.А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.
17. Історія України: Матеріали до підручника для 10–11 класів середньої школи / М.В. Коваль, С.В. Кульчицький, Ю.О. Курносов. Київ: Райдуга, 1992. 511 с.

18. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 217–255.
19. Майдан 1991 года или как рождалась украинская Независимость // Политические известия в Украине. 2015. 24 августа. URL: <https://izvestia.kiev.ua/item/show/86024> (дата обращения: 17.01.2022).
20. Мялскоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / Пер. А. Крашевского. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2005. 400 с.
21. Положение об Украинском институте национальной памяти // Украинский институт национальной памяти. URL: <https://uinp.gov.ua/pro-institut/pravovi-zasady-diyalnosti> (дата обращения: 19.01.2022).
22. Томаченко О.В. Українські шкільні підручники 1990–2009 рр. з історії: здобутки і проблеми написання // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. XXXIV. С. 134–139.
23. Указ президента України № 965/2007 Про присвоєння Р. Шухевичу звання Герой України // Президент України. Офіц. інтернет-представництво. URL: <https://president.gov.ua/documents/9652007-6491> (дата обращения: 19.01.2022).
24. Указ президента України № 46/2010 Про присвоєння С. Бандері звання Герой України // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/46/2010#Text> (дата обращения: 19.01.2022).
25. Хоменко С., Денисов М. «Томос наш!» Православная церковь Украины получила автокефалию // BBC. 2019. 6 января. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46772560> (дата обращения: 20.01.2022).
26. Шаповал Ю. Украинская вторая мировая // Зеркало недели. 2005. № 15. 23 апреля – 6 мая.
27. Швидько Г.К. Історія України (XIV–XVIII ст.): Пробний підручник для 8 кл. середньої школи. Київ: Генеза, 1996. 304 с.
28. Ээсма: 80 лет спустя нам всё ещё нужна декларация Уэллеса // Delfi. 2020. 23 июля. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-eschenuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения: 23.07.2021).
29. Graf M. Impeeriumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo, 2012. 456 l.
30. Lemkin R. Soviet Genocide in Ukraine / Ed. by R. Serbyn. Kyiv: Maisternia Knyhy, 2009. 208 p. URL: <https://holodomormuseum.org.ua/wp-content/uploads/2019/04/978-966-2260-15-1.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).
31. Meissner B., Loeber D.A. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge von 1954–1994. Hamburg: Bibliotheca Baltica; Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 S.

32. Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. 672 p.
33. Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles (Заявление исполняющего обязанности государственного секретаря distinguished Самнера Уэллеса). July 23, 1940 // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).